

Роман Сенчин

Мелочи

*Часть сборника
Иджим (сборник)*

Роман Сенчин

Мелочи

«ЭКСМО»

Сенчин Р. В.

Мелочи / Р. В. Сенчин — «Эксмо»,

«Юрий Андреевич почувствовал это довольно давно. Сначала оно слабенько, приятно щекотало, согревало, потом, особенно по вечерам, когда уже ложился спать, стало жечь и царапать. И вот вчера прокололо. Как боль в позвоночнике...»

© Сенчин Р. В.

© Эксмо

Роман Сенчин

Мелочи

Юрий Андреевич почувствовал это довольно давно. Сначала оно слабенько, приятно щекотало, согревало, потом, особенно по вечерам, когда уже ложился спать, стало жечь и царапать. И вот вчера прокололо. Как боль в позвоночнике.

Он нашел папку с нотной бумагой, полистал сухие, шершавые на ощупь, уже начавшие желтеть листы. Положил обратно в шкаф. Завтра утром приступит... Завтра нужно пораньше встать, а для этого сегодня пораньше лечь.

И, посмотрев выпуск новостей в двадцать два часа, Юрий Андреевич стал раскладывать диван.

– Ты уже? – удивилась жена.

– Да, что-то лечь захотелось.

– У тебя все нормально? – она посмотрела внимательно. – Как себя чувствуешь?

– Все нормально, – слегка раздражаясь, сказал Юрий Андреевич. – Просто... – И, не желая называть причину, слегка соврал: – Усталость просто.

Жена покивала:

– Да-а, пятница, конец недели... – Добавила бодрее: – Завтра суббота. Ложись, дорогой. Я еще посижу, хорошо?

– Ради бога.

Жена погасила большой свет, убавила громкость телевизора. Юрий Андреевич отвернулся к стене, накрылся с головой одеялом. Стало уютно, защищенно, и, как когда-то в детстве, подумалось: скорей бы наступило утро... Впервые за много-много лет он ждал завтра необычного дня. Огромного, свежего, который останется в памяти...

Вообще-то он был доволен своей жизнью, складывающейся из благополучно спокойных, без неожиданностей и встрясок, дней. Все шло своим чередом. После десятилетки Юрий Андреевич отслужил в армии, почти все два года – в гарнизонном оркестре, так как имел аттестат об окончании музыкальной школы; после армии поступил в культпросветучилище в родном городе, на отделение духовых инструментов, по классу кларнета. Работал в оркестре городского музыкального театра, участвовал в джазовых коллективах, даже на фестивалях несколько раз выезжал. В двадцать шесть лет женился, в двадцать восемь родилась дочь, а в тридцать – сын. Получили трехкомнатную квартиру в новеньком тогда кирпичном доме. Теперь у детей тоже семьи...

Когда в девяносто четвертом оркестр театра расформировали (в спектаклях использовать стали фонограмму), Юрий Андреевич устроился в училище, которое когда-то окончил, стал преподавателем игры на кларнете.

Единственный тяжелый период был, когда женился сын. Молодые отказались жить с родителями, и трехкомнатную квартиру пришлось разменять. Эти поиски подходящего варианта, конторы, таскание мебели, обживание на новом месте выбили из колеи, начались конфликты с женой; однокомнатка, куда они переселились, казалась невыносимо тесной. Но прошло время, и все встало на свои места.

Пять дней в неделю Юрий Андреевич проводил на работе, проверял, как студенты разучили музыкальные пьесы, задавал разучивать новые. Показывал, как нужно играть. Первокурсники становились второкурсниками, второкурсники – третьекурсниками, потом выпускались. Почти ни о ком из них Юрий Андреевич после этого не слышал. Да и не старался следить за их судьбой – за одиннадцать лет его преподавания талантливых пока не встречалось, по настоящему целеустремленных – тоже. Но в основном ребята были хорошие, интеллигентные

– что ж, таким и простое умение сыграть «Лунный вальс» не помешает. Не всем же становиться виртуозами.

У Юрия Андреевича в классе висело несколько фотографий, где он был снят на всесоюзных и международных фестивалях. Когда-то повесил их, чтобы показывать ребятам, что их учеба здесь не такая уж пустая, что и они могут поехать, например, в Москву или в Петербург, или за границу даже, выйти на джем вместе с великими музыкантами, но мало кто обращал внимание на эти фотографии, и сам Юрий Андреевич часто и надолго о них забывал. Что-то висело на стенах и висело...

Джаз в их городе давно уже как-то загдох, в моде была другая музыка, на фестивали не приглашали, да и не слышно было о них. И, взглянув иногда на снимки, видел Юрий Андреевич потускневшие золотые надписи в уголках с названиями городов и датами фестивалей – «Паланга'84», «Москва'86», «Ленинград'87» – и становилось грустно: действительно, все это было где-то там, где-то в призрачном, полузабытом прошлом.

После занятий преподаватели с духового собирались в подсобке. Накрывали стол, по-мужски скромный, с вареной колбасой, черным хлебом, огурцами, луковицей, и распивали пару бутылок водки. Ни разу не допивались допьяна, ни разу никого не приходилось тащить домой, но после принятых под вечер – «с устатку» – двухсот граммов становилось странно легко и умиротворенно внутри. Гасилось то, что, кажется, тлело в каждом из выпивающих эти спасительные граммы... Юрий Андреевич шел домой, тихонько улыбался, пальто было расстегнуто, родной город – небольшой и тихий, скучноватый – казался особенно дорогим, а прожитый день – прожитым нормально. По крайней мере, неплохо.

И однажды выпитого не хватило, чтобы загасить тление. Стало вспоминаться, ярко, с неожиданными подробностями, старое, вспыхивали в мозгу эпизоды, случаи, которые, казалось, стерлись из памяти, и другими, помолодевшими, с живыми глазами, увиделись сидящие за столом. Почти всех их Юрий Андреевич знал с юности, и у них была почти такая же судьба, как у него. Жизнь без встрясок и неожиданностей, но с еле заметным склоном, по которому они сейчас двигались, с каждым днем сползая все ниже и ниже... И ему захотелось предложить: «Слушайте, а давайте опять соберемся? Поиграем вместе. Жару дадим!..» Подмывало растормошить их и себя. Но, слава богу, сдержался. Он знал, что € они гасят за этим столом, понимал, что им не собраться, не дать уже жару. Не стать такими же, как когда-то. И он увидел себя – полноватое рыхлое лицо пятидесятилетнего мужчины, несколько глубоких морщин на лбу и щеках, очки в громоздкой оправе, залысины, сдавленные тяжелыми веками глаза. Бесцветные глаза.

И по пути домой Юрий Андреевич пытался убедить себя, что все нормально, все у него неплохо сложилось. Была молодость, были кое-какие взлеты, его знают и уважают в музыкальном кругу их города, где-то, наверное, хранятся записи с его мелодиями. Но это не помогало, тление крепло, стало жечь. Юрий Андреевич даже остановился возле гастронома и несколько минут боролся с желанием войти и купить бутылочку, в прихожей сказать жене: «Давай-ка посидим сегодня». И в приятном вечере пережить неожиданный, редкий приступ тоски.

Не вошел, пересилил. А дома тоска притупилась сама собой, незаметно. Был вкусный ужин, был телевизор, интересные фильмы, а потом футбол по шестому каналу. Не важно, что повторяли вчерашнюю победу «Зенита» в одной восьмой Кубка УЕФА – матч был красивый, неожиданный, настоящий спектакль.

На другой день опять были занятия. В класс входили юноши с футлярами, собирали кларнеты, раскладывали на пиюпитрах ноты, играли. Юрий Андреевич хвалил, указывал на ошибки, иногда брал свой инструмент, привычно сжимал губами мундштук, из глубины живота пускал вверх струю воздуха, закрывал пальцами нужные отверстия. А после занятий пошел в подсобку.

Он уверял себя, что вчера был случайный, короткий приступ. Из-за погоды, из-за каких-нибудь магнитных бурь, космических возмущений. Нет, оказывается, не прошло. Что-то там, внутри его, постепенно росло, крепло, шекотало, жгло, не позволяя забываться, чувствовать себя хорошо, комфортно.

И как-то раз после занятий он остался в классе. Взял со стола кларнет, проверил камышинку в мундштуке, порастягивал губы и стал играть. Он не задумывался, что играет, ему важно было сейчас просто рождать звуки, соединять их между собой; и звуки, упругие, строгие, чистые звуки кларнета, плавно наполняли тесный класс для индивидуальных занятий. Звуки раздвигали его, украшали. А потом Юрий Андреевич прислушался к тому, что играет, и выдернул мундштук изо рта. Это была одна из пьес, которые он на протяжении десяти с лишним лет задавал ученикам.

Юрий Андреевич ужаснулся; ему показалось, что другое, не из программы, он уже никогда не сумеет сыграть – забыл, стер из памяти, отучил пальцы... Да нет, как это?! Что бы сыграть? Что сыграть?... Но ничего не приходило на ум, лишь тот обязательный, утвержденный в учебной части набор. И чтобы не отчаяться, не проклясть себя, он стал импровизировать. Пальцы бегали по инструменту, закрывая и открывая самые неожиданные отверстия и клапаны, правая нога начала отстукивать ритм, появилась мелодия сложная, необычная, с паузами, синкопами, с резкой сменой темпа. И словно бы со стороны, словно зритель, Юрий Андреевич следил за ней, удивляясь, что вот так, из ничего, из ниоткуда она появляется, собирается из пустоты; он боялся остановиться, вернуть мелодию в небытие.

В класс заглянул преподаватель трубы – наверное, заждались за столом, – несколько секунд изумленно и вроде даже со страхом смотрел на играющего Юрия Андреевича и закрыл дверь. А когда Юрий Андреевич в конце концов оторвался и пришел в подсобку, преподаватели уже выпили и закусили, как-то прохладно, как не со своим, попрощались с ним и разошлись. И Юрий Андреевич понял, что нарушил правило, не исполнил старинный и обязательный обряд.

С тех пор он не ходил принимать эти двести граммов, а играл. Играл долго, закрыв глаза, играл до тех пор, пока губы, устав, не размякали, пока пресс не начинало ломить, словно пере-занимался гимнастикой... Мелодия была все та же, пришедшая тогда, но Юрий Андреевич исполнял ее каждый раз по-новому, украшая все новыми звуками, фразами, настроением. И мелодия сильнее и сильнее затягивала в себя, теребила, требуя, чтобы ее записали, облекли в форму нот.

И вот наступил момент, когда он уже не в силах был этому сопротивляться, удерживать – в конце концов прокололо.

Спал, понимая, что спит, помня, что нужно проснуться пораньше и сесть. И ему виделось, как он поднимается, торопливо освежает лицо холодной водой, достает бумагу, готовит кофе, устраивается за столом на кухне и пишет... Когда-то он сочинял музыку, считался основным мелодистом в их джазовом ансамбле, но это было давно, так давно, что казалось почти и не бывшим на самом деле... Нет, было – остались фотографии, в серванте хранятся почетные грамоты лауреата...

Юрий Андреевич открыл глаза, надел очки, взял будильник с тумбочки. Светящиеся зеленоватые стрелки показывали без четверти шесть. Самое время. Отлично!

Осторожно, чтоб не разбудить жену, он сполз с дивана, снял висящую на спинке стула одежду. Сунул ноги в тапки. Прошел в ванную. Оделся. Включил воду, умылся, почистил зубы... Давно не чувствовал себя таким бодрым. Вот бы каждое утро так, а то ведь... Даже и не вспомнишь, что там бывает по утрам, – автоматический набор операций. В выходные – тщетное желание выспаться. Хм! Ведь доказано, что чрезмерный сон только вредит. Проспишь

лишнее, и потом весь день как вареный. Все великие спали по пять-шесть часов и столько всего успели.

Распалая себя такими мыслями, Юрий Андреевич вошел на кухню. Взял чайник, чтоб наполнить водой. Из раковины поднялись тучкой мошки, несколько, как сухие снежинки в ветер, ткнулись в лицо. Одна попала в нос.

– Да что ж ты! – Досадливо морщась, Юрий Андреевич стал выдувать ее, кашлял, отхаркивался...

Эти мошки завелись, скорее всего, из-за рассады на подоконнике. Жена с месяц назад посеяла в ящиках помидоры, перец, и вот с тех пор донимали мошки. В земле, что ли, перезимовали? Землю Юрий Андреевич привез замерзшей с дачи, еще осенью набрал два пакета.

Кажется, избавился. Продышался. Налил в чайник воды, поставил кипятиться. Мошки кружились над столом, над хлебницей. Обычно Юрий Андреевич и не замечал их, а тут понял: они не дадут работать. Замучают.

И стал ловить, давить между пальцев, прихлопывать ладонями. Вспомнил, что может хлопками жену разбудить, закрыл дверь. Продолжил охоту. Увлёкся. Помахивал над ящиками рукой, и когда мошки взлетали из зарослей рассады – хлопал их, хлопал, гонялся по кухне...

Щелкнул чайник, вскипев. Юрий Андреевич заварил чашку «Нескафе». Огляделся. Мошек не было – то ли действительно всех перебил, то ли попрятались. Ну, можно приступить.

Пошел в комнату за бумагой.

– Юр, сколько времени? – неприятный со сна, хрипловатый голос жены.

– Шесть.

– Шесть часов? А что не спишь?

– Да тут мне... – Юрию Андреевичу почему-то стало неловко. – Надо тут...

– Что случилось?

– Ну... Поработать мне надо.

– Сегодня суббота ведь.

– Над своим... для себя поработать. Спи, пожалуйста.

Взял папку и вышел. Плотно закрыл дверь в комнату. Плотно закрыл дверь на кухню. Сел. Достал бумагу.

– Та-ак, – сладковато выдохнул и тут же плюнул: – Тьфу ты! – вспомнил, что забыл ручку.

Опять идти в комнату? Бродить, как лунатику, копаться в серванте, жену раздражать?... Встал, поискал на холодильнике, потом в ящике кухонного стола. Смятые целлофановые мешочки, консервный нож, скотч, изломанные свечки для торта, какие-то таблетки... Есть, слава богу. Попробовал, как пишет. Ручка писала. Хорошо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.